

26.00.01 Теология

УДК 101.1

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-3-81-92

А. Н. Юзеев

Филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань

ТАТАРСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ (СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

ЮЗЕЕВ Айдар Нилович —

д-р филос. наук, проф., зав. каф. социально-гуманитарных дисциплин,
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия
(420088, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, 2-я Азинская ул., д. 7а).
E-mail: youzeev@yandex.ru

Аннотация. Татарская философия имеет многовековую историю и восходит к предкам татар — волжским булгарам, которые впервые заложили основы философского знания еще в Средневековье, а именно в X в. Средневековая татарская литература X — третьей четверти XVIII в. составляет одну из основ татарской общественно-философской мысли. В числе ее первых представителей имена таких всемирно известных поэтов, как А. Йасави (XII в.), Кул Гали (XIII в.), Кутб (XIV в.), С. Сараи (XIV в.), Мухамедьяр (XVI в.). Эти тюрко-татарские средневековые мыслители использовали в своих сочинениях не только светские сюжеты, но и суфийские мотивы арабо-мусульманской философии. Социально-этическая, поэтическая, дидактическая проблематика произведений вышеназванных авторов свидетельствует об общетюркском влиянии, а религиозно-философское содержание их трудов — об арабо-мусульманском. Большинство сочинений татарских мыслителей X–XVIII вв. носит синкретический характер. Они в одно и то же время являются и высокохудожественными литературными произведениями, и книгами по этике, и сочинениями, раскрывающим философские взгляды татарских мыслителей.

Ключевые слова: татарская философия, Средневековье, Волжская Булгария, Казанское ханство.

Для цитирования: Юзеев А. Н. Татарская философия: общее и особенное (Средневековье) // Ислам в современном мире, 2020; 3: 81–92;

DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-3-81-92

Статья поступила в редакцию: 26.05.2020

Статья принята к публикации: 11.07.2020

Татарская философия как гуманитарное знание сформировалась под воздействием арабо-мусульманской, общетюркской общественно-философской мысли, с одной стороны, и русской философии — с другой. Подобное влияние определялось не только историческими причинами — очевидно, что немаловажное значение имело и географическое положение Волжской Булгарии — первого государства болгар, предков татар (IX–XIII вв.). В XIII в. оно вошло в состав Золотой Орды, позже, с XV в., существовало как независимое Казанское ханство, а начиная с середины XVI века (1552 г.) стало частью России — Казанской провинцией (губернией). Возникновение здесь начал философского знания в Средневековье обусловлено в первую очередь влиянием арабо-мусульманской, общетюркской философской мысли, поскольку русские, западноевропейские идеи начали оказывать определенное воздействие лишь с XVIII века — с наступлением нового времени для татарской общественно-философской мысли.

Средневековый период для всей татарской духовной культуры в целом и татарской литературы в частности — это IX — третья четверть XVIII в. Важной составляющей татарской средневековой духовной культуры является старотюркский язык, который возник в Карahanидском государстве в X–XI вв. и стал общим для всех тюркских народов Средней Азии и Поволжья. Поэтому и сочинения средневековых тюркских авторов можно считать общим достоянием всех тюркоязычных народов. Однако нужно иметь в виду, что распространенность этих произведений, их известность у разных народов и их интеллектуальной элиты была разной, а следовательно, неодинаковым оказалось и воздействие их мировоззренческих идей на дальнейшее развитие общественно-философской мысли этих народов. Для средневековой татарской культуры такими «главными» произведениями стали *Кутадгу билиг* («Благодатное знание») Ю. Баласагуни (1020–1075), сочинение светской направленности, и произведение суфийской литературы *Хикметы* («Мудрые суждения») А. Йасаи (1103–1166). Эти два памятника литературы, свидетельствующие о двух направлениях тюркской общественно-философской мысли — светском и суфийском, — оказали

заметное воздействие на средневековую литературу всех тюркских народов, и татарского в частности.

Что касается А. Йасави, то он был основателем суфийского тариката йасавийа, который получил распространение среди болгаро-татар после монгольского нашествия 1236 года. Этот тарикат оказался привлекательным для жителей сельской местности тем, что исповедовал аскетизм, который позволял противостоять идеологическому давлению официальных властей. Поэтому тарикат йасавийа получил особенное распространение среди татар на Урале и в районах Сибири. Тарикат накшбандийа во многом стал духовным «наследником» тариката йасавийа и школы хваджаган Абдалхалика ал-Гидждувани (ум. 1220). Первым накшбанди в Волго-Уральском регионе был Ходжа Мухаммад Амин ал-Булгари, умерший в Тебризе в 902/1496 г.¹

На рубеже Средневековья и Нового времени в татарском обществе наибольшее распространение получил суфизм накшбандийского толка, разделявшийся на две основные ветви — муджаддидийа и халидийа. Его основополагающая идея — это раскрепощение личности, участие в общественной жизни, занятие ремеслом, земледелием, торговлей. Немаловажно и то, что родиной накшбандизма являлась Средняя Азия, с которой татарское общество было связано узами духовного родства. Об этом, в частности, писал В. А. Гордлевский: «Организация духовного сословия в Казани сложилась по среднеазиатскому, бухарскому образцу. Среди духовенства в Казани были великие сейиды, то есть потомки пророка Мухаммада [мнимые], и несомненно, что эти потомки были экспортированы из Средней Азии и принадлежали к дервишам. Так естественно к татарам могли проникнуть и накшбанди — наставники мусульманской веры»².

Согласно археографическим источникам и сведениям Ш. Марджани, в Поволжье и Приуралье накшбандийское учение ветви муджаддидийа проникло из Бухары через шейха Фаизхана ал-Кабули (ум. 1802), духовного наставника татарского мыслителя и поэта А. Утыз-Имяни (1754–1834). «В Мавераннахре, — писал Марджани, — не было равного ему [Фаизхану ал-Кабули] или подобного ему в каких-либо науках»³. Однако не следует абсолютизировать дату проникновения накшбандийского учения в Поволжье и Приуралье, поскольку так или иначе его влияние было заметно и до XVIII в., например, в творчестве татарского поэта-суфия М. Колый (вторая половина XVII в.). Тот же Марджани

¹ Хамид Альгар. Последний накшбандийский шейх Волго-Уральского региона / Татарстан. 1995. № 7–8. С. 102.

² Гордлевский А. В. Баха-уд-дин Накшбенд бухарский (к вопросу о наслоениях в исламе) / Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882–1932 гг. Л., 1934. С. 164.

³ Марджани Ш. Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф. Т. 6. Б. м., б. г. Л. 2126–213а.

упоминает суфия Абу Мухаммада Касима б. ал-Казани (ум. 1581/1582), бывшего последователем шейха Абдалвали ал-Кухзари, в свою очередь имевшего муридов из Средней Азии: Ибрахима ат-Туркистани, Мушир-Мухаммада ал-Хорезми и Кутбаддина Байрама б. Кунбур ас-Самарканди¹. Но в источниках не указывается цепь духовной преемственности, то есть отсутствует силсила — от одного духовного наставника-накшбанди к другому.

Среди первых татарских суфиев-накшбанди, согласно двум спискам силсила XIX в., упоминаются имена: Мухаммад Вали ал-Каргали (вторая половина XVIII в.), Убайдаллах ал-Кизлави (XIX в.), Ниматаллах ал-Алмати (XIX в.), шейх Абдалджаббар ал-Парави (XIX в.), шейх Мухаммад ал-Кизлави, Хайраллах ал-Алмати, шейх Ахмад ал-Кизлави². По списку XVIII в.: Хабибаллах ас-Сабави, Вали ал-Каргали, Хамид ал-Йурташи³. По списку конца XIX — начала XX в.: Каргали Валид, Убайдаллах ал-Кизлави, Ниматаллах ал-Алмати, шейх Абдалджаббар ал-Парави, шейх Мухаммад б. Убайдаллах ал-Кизлави; другая линия духовной преемственности: шейх Абдаллах Хадджи, Абдаш ал-Кавалли⁴. У вышеперечисленных суфиев, согласно этим силсила, один наставник — Фаизхан ал-Кабули, высоко почитаемый не только в Средней Азии, но и в Поволжье и Приуралье (накшбандийское учение ветви халидия было популярным среди татарского населения в XIX веке — шейх Зайналлах Расули из Троицка).

А. Йасави (XII в.), Кул Гали (XIII в.), Кутб (XIV в.), С. Сараи (XIV в.), Мухамедьяр (XVI в.) как один из первых тюрко-татарских средневековых мыслителей использовали в своих сочинениях не только светские сюжеты, но суфийские мотивы арабо-мусульманской философии. Социально-этическая, поэтическая, дидактическая проблематика произведений вышеназванных авторов свидетельствует об общетюркском влиянии, а религиозно-философское содержание их трудов — об арабо-мусульманском.

Еще одна особенность средневековых сочинений X–XVIII вв. тюрко-татарских мыслителей — их синкретический характер, когда сочинение одновременно выступает и как литературное произведение, и как труд, в котором раскрываются философские взгляды автора.

До нашего времени средневековая болгарская культура дошла лишь в виде материальных памятников. Письменных источников, известных науке, — единицы, другие ждут своих первооткрывателей в книгохранилищах, библиотеках. В настоящее время первым письменным памятником

¹ Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф. Т. 6. Л. 343а.

² Архив Института языка, литературы и искусства АНТ. Коллекция № 99. Д. № 295, 23.

³ Архив Института языка, литературы и искусства АНТ. Коллекция № 99. Дело № 3 (многие места не читаются из-за плохой сохранности рукописи. — А. Ю.).

⁴ Архив Института языка, литературы и искусства АНТ. Коллекция № 99. Оп. 1. Д. № 142.

булгаро-татарской культуры принято считать «Записки» Ибн Фадлана, секретаря багдадского посольства, совершившего путешествие в Волжскую Булгарию в 921–923 гг.¹ Поездка была предпринята по инициативе правителя Волжской Булгарии Алмуша (Алмаса), который просил багдадского халифа Джафара ал-Муктадира Биллахи прислать учителей для официального принятия ислама. Арабо-персидские историки, доксграфы X–XIII вв. ал-Истахри, Ибн Хаукал, анонимный автор персидского сочинения *Худуд ал-алам*, ал-Гарнати полагают, что уже с 922 г. большинство жителей Волжской Булгарии приняли ислам, который стал государственной религией булгар. Археологические и археографические данные свидетельствуют о том, что именно ислам ханафитского толка задолго до 922 г. проник в Волжскую Булгарию из Средней Азии².

Ислам в Волжской Булгарии занимал аналогичные позиции, что и средневековый классический ислам на Востоке. После 922 г. правитель Волжской Булгарии Алмуш, обладая всей полнотой светской власти, тем не менее признавал лишь духовную власть аббасидского халифа ал-Муктадира, как, впрочем, и многие восточные удельные эмиры.

С принятием ислама бытовавшая среди предков татар руническая письменность была заменена арабской. Благодаря усвоению арабского языка определенная часть населения Волжской Булгарии получила возможность приобщиться к богатой арабоязычной культуре, а это, в свою очередь, оказало весьма существенное влияние на формирование и развитие системы образования, общественно-философской мысли у самих булгар, привело к созданию литературных памятников, научно-философских трактатов и богословских сочинений.

Как полагают некоторые авторы, с IX по XII в. центр мировой духовной культуры смещается на Восток. Это позволяет говорить о Волжской Булгарии как о достаточно развитой цивилизации, поскольку все сферы жизни булгарского общества в Средневековье находились под влиянием арабо-мусульманской культуры.

Благодаря торговым связям Волжской Булгарии с арабо-мусульманским миром распространялась письменная литература Востока, так как базары в Средней Азии, куда ездили булгарские купцы, являлись и центрами книжной торговли. Например, на бухарском базаре можно было купить рукописные книги на арабском, тюркском, дари и других языках. У книжных лавок встречались ученые и поэты, вели беседы, давали наставления ученикам мударрисы³.

¹ Имеются два перевода мешхедской рукописи (Иран) 1923 года: *Togan A. Z. Ibn Fadlan's Reisebericht*. Leipzig: Kommissionverlag F. A. Brockhaus. XXXIV, 1939. 336 p.; *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1956. 345 с.

² *Халикова Е. А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. Казань, 1986. С. 138, 141–144.

³ История таджикского народа. Т. 2. Кн. 1. М., 1964. С. 147.

Один из недавно открытых для науки трудов под названием *Большой тирйак* («Большое противоядие») принадлежит болгарскому ученому домонгольского периода Таджаддину ал-Хасану б. Йунусу ал-Булгари. Этот труд по медицине, написанный в Мосуле на арабском языке, был продиктован автором — специалистом по фармакологии — в 1220 или 1221 году и посвящен изготовлению тирйака — снадобья для лечения от отравлений ядами змей и других недугов¹.

Однако в основном труды болгарских ученых-теологов известны в цитатах более поздних авторов. Так, посвященная Булгару «История» кади Булгара Йакуб б. Нумана до нашего времени не сохранилась, хотя отрывки из нее приводятся в передаче андалусского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати, посетившего Булгар в 529/1134–35 гг.² Арабский алим и адиб Закарийа б. Мухаммад ал-Казвини (ок.1203–1283) считает его одним из последователей имама ал-харамейна (имама «двух священных городов») Абу-л-Маали ал-Джувайни (1028–1085) — видного представителя ашаритского калама, учителя ал-Газали (1058–1111) крупнейшего теолога, философа³.

Другой известный представитель болгарских улама (религиозных ученых) — кади Абу-л-Ала Хамид б. Идрис ал-Булгари (ум. после 500/1106–07 гг.) Автор книги на арабском языке *Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мурад* («Красота садов и отрада больных душ») Сулайман б. Дауд ас-Саксини⁴, из племени сувар, обучавшийся в Булгаре, разделил свой труд на шестьдесят семь частей, предварив каждую хадисами, услышанными из уст кади Хамида ал-Булгари. Следовательно, Сулайман ас-Саксини скорее всего был его учеником, посещал его уроки. Для прославления кади он использовал самые яркие эпитеты: «солнце шариата», «оживляющий сунну», «венец комментаторов Корана». Османский ученый, историк и писатель Хаджжи Халифа считал *Зухрат ар-рийад* («Красота садов») популярной книгой, пользующейся спросом у образованных людей⁵.

Сулайман ас-Саксини упоминает сочинения его сверстников-алимов (религиозных ученых), на которые ссылался Хамид ал-Булгари: Абу-л-Муина ан-Насафи, бухарского алима Абу Бакра Мухаммада б. Хасана б. Мансура ал-Насафи, Абу Бакра Мухаммада б. Абдаллаха ас-Серахкати, Абу Ибрахима Исмаила б. Мухаммада б. ал-Хасана ал-Хусни Абу-л-Басра ал-Баздави, Абу-л-Муина ан-Насафи. Книга, по

¹ Таджаддин ал-Булгари. Большой тирйак / изд. текста, пер. с араб., коммент. А. Б. Халидова. Казань, 1997.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. Казан, 1897. 1 дж. Б. 78.

³ Там же.

⁴ Ас-Саксини — согласно: Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар. Б.78; ас-Сувар — согласно: Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum a Mustafa ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalifa celebrato compositum. Vol. II. Leipzig, 1837. P. 73.

⁵ Туркият маджмугасы. II дж. Истамбул, 1928. Б. 335.

нисбам вышеперечисленных авторов, посвященная хадисам, морально-правовым канонам ислама, была распространена в Анатолии, Средней Азии, Бухаре, Герате, что лишний раз подтверждает высокий уровень развития религиозной культуры булгар.

Другой видный алим Булгара шейх Ходжжа Ахмад ал-Булгари (в *Салат* («Молитва») Масуди (X в.) он упоминается как ал-Бургари) был наставником и шейхом султана Махмуда б. Сибуктагина ал-Газнави (971–1030). Причем кади Булгара придерживался тариката Ахмада Йаса-ви. Он автор таких трудов, как *Ат-тарика* («Путь»), *Фаваид ал-джавахир* («Полезь драгоценностей»), *Ал-джамиа* («Всеобъемлющий»), распространенных на Ближнем и Среднем Востоке¹.

Волжская Булгария в XIII–XV вв. была автономной частью Золотой Орды, где получили широкое распространение сочинения Фирдоуси и Рудаки (X в.), ал-Маарри и Омара Хайяма (XI в.), Аттара и Низами (XII в.), Руми и Саади (XIV в.). Эти авторы были не только выдающимися поэтами, при жизни ставшими классиками, — некоторые из них снискали себе славу ученых-энциклопедистов, являясь одновременно математиками, астрономами, философами.

Сочинения арабо-персидских мыслителей служили примером для подражания тюркским поэтам и ученым и в известной степени повлияли на формирование собственно тюрко-татарской литературы (в равной степени тюрко-узбекской, тюрко-туркменской, тюрко-киргизской, тюрко-казахской), получившей высокое развитие в XIV в. — в эпоху могущества Улуса Джучи. Именно в этот период были созданы такие памятники средневековой тюрко-татарской литературы, как поэмы *Гулистан би-т-тюрки* Сайфа Сараи (ок. 1321–1396), *Хосров ва Ширин* Кутба, *Мухаббат-наме* Хорезми, *Джумджума султан* Хусам Катиба, *Кысса-и Рабгузи* поэта Рабгузи, прозаическое произведение *Нахдж ал-фарadis* Махмуда ал-Булгари.

Некоторые из этих произведений, а именно *Хосров ва Ширин* и *Гулистан би-т-тюрки*, являются творческими переводами одноименных поэм Низами и Саади. Вместе с тем поэмы Кутба и Сараи были созданы как вольные переводы, проникнутые духом тюркского мира, больших городов и бескрайних степей. Если в поэмах Сараи и Кутба воспеваются такие человеческие качества, как справедливость, скромность, верность, то поэма Рабгузи посвящена описанию жизни и деятельности пророков от Адама до Мухаммада.

В сочинении *Нахдж ал-фарadis* Махмуда ал-Булгари рассказывается о жизни пророка Мухаммада и четырех праведных халифов, дочери Пророка Фатимы, его внуков Хасана и Хусайна, основателей четырех правовых суннитских школ фикха: аш-Шафии, Абу Ханифы,

¹ *Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. 1 дж. Б. 80–81.*

ал-Малика и Ибн Ханбала (автор уделяет особое внимание жизни и деятельности Абу Ханифы). Кроме того, описываются морально-этические нормы жизни мусульман, перечисляются положительные и отрицательные качества людей, говорится о необходимости следовать религиозным канонам, прославляется добродетельное поведение: быть разумным, честным, правдивым, трудолюбивым, умеренным в своих потребностях и желаниях, почитать своих родителей. Таким образом, используя художественно-образную форму изложения, Махмуд ал-Булгари способствовал формированию эстетических представлений о высоконравственной личности, служащей образцом для подражания в повседневной жизни целому поколению мусульман Золотой Орды.

Эти произведения опосредованно касались мировоззренческого содержания средневековой мусульманской общественно-философской проблематики: соотношения Бога и мира, веры и разума, личности и государства. Они стали свидетельством достаточно высокого для своего времени уровня развития письменной литературы тюрко-татар и в целом духовной культуры Золотой Орды, являясь ценнейшими источниками средневековой восточной литературы и философии. Развита булгарская культура домонгольского периода сыграла важную роль в формировании синкретичной культуры Золотой Орды.

С середины XV века, после распада Золотой Орды на отдельные ханства, исторический процесс формирования татарского народа, его духовной и материальной культуры, вновь происходит в условиях самостоятельного государства, центром которого стала Казань. Очевидно, Казанское ханство одновременно являлось наследником и Волжской Булгарии, и Золотой Орды.

В Казанском ханстве были свои ученые, поэты. Среди них наиболее известны поэты Мухаммад-Амин (он же хан (кон. XV — нач. XVI в.)), Мухамедьяр, Умми-Камал, Кул-Шериф (он же казанский сейид). Хотя их произведения были пронизаны религиозными мотивами, в них одновременно присутствуют идеи гуманизма, справедливости, верного служения своему отечеству. Особое место в этом ряду выдающихся имен занимает Мухамедьяр, творчество которого стало заметным явлением татарской литературы. В своих поэмах *Тухфаи-мардан* («Дар мужей», 1539), *Нур ас-судур* («Свет сердец», 1542) он затрагивает социально-этическую проблематику: проповедует доброту и справедливость, осуждает распри верхушки татарского общества. В *Тухфаи-мардан* поэт в традиционной форме освещает жизнь и деятельность пророка Мухаммада, особо подчеркивая справедливость всех его деяний. В своих произведениях он говорит о справедливости как о главном нравственном принципе:

*Знайте,
справедливость есть основа любого дела.
Справедливостью руководствуйтесь
во всех делах¹.*

Вводная часть *Нур ас-судур* также посвящена жизнеописанию пророка Мухаммада. Далее Мухамедьяр дает собственное толкование современного ему общества, его устройства в соответствии с исламским учением. Людей ученых, образованных, он полагает ответственными за обучение и нравственное воспитание других членов общества. И вновь автор пишет о значении справедливости:

*Лучше один час вершить справедливость,
Чем молиться шестьдесят лет².*

Он также рассуждает о других добродетелях, свойственных человеку: милосердии, щедрости, скромности, стыдливости, терпении, честности и др., посвятив каждой из них отдельную главу. Таким образом, поэт воспекает в своем творчестве идеи добра и гуманизма, которым должны следовать все мусульмане, независимо от своего социального статуса. В их соединении с канонами ислама он видит залог того, что современное ему общество достигнет благоденствия.

Науке известен труд космографического характера под названием *Аджаиб ал-махлукат ва макават ат-табиин* («Чудеса созданий и сферы спутников»), принадлежащий перу ученого XVI в. Хисамаддина Шарафаддина ал-Булгари³.

В 1552 г. произошло завоевание Иваном Грозным Казани (наследницы Булгара). Если вплоть до середины XVI в. можно говорить о цивилизаторской роли мусульманского мира, ислама для болгаро-татарского общества, то с утратой государственности ислам выполняет в основном «охранительную функцию», служит духовным оплотом выживания татарского этноса. Ислам в Средневековье был важным компонентом духовной и материальной культуры болгаро-татар и сыграл значительную роль в становлении татарской религиозно-философской мысли конца XVIII — XIX века.

Таким образом, средневековая тюрко-татарская общественно-философская мысль X — третьей четверти XVIII в. развивалась под влиянием идей арабо-мусульманской философии (восточного перипатетизма, калама, суфизма) наряду с общетюркским влиянием (литературные произведения социально-этической направленности).

¹ Мухаммедьяр. Тохфа-и мардан. Нуры содур. Казан, 1966. Б. 85 (перевод мой. — А. Ю.).

² Мухаммедьяр. Тохфа-и мардан. Нуры содур. Б. 84 (перевод мой. — А. Ю.).

³ Институт востоковедения АН Республики Узбекистан. Рук. № 11546.

Литература

- Альгар Хамид. Последний накшбандийский шейх Волго-Уральского региона / Татарстан. 1995. № 7–8. С. 102–108.
- Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф ва тахийат ал-ахлаф. Т. 6. Л. 2126–213а.
- Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф ва тахийат ал-ахлаф. Т. 6. Л. 343а.
- Архив Института языка, литературы и искусства АНТ. Коллекция № 99. Д. № 295, 23.
- Архив Института языка, литературы и искусства АНТ. Коллекция № 99. Оп. 1. Д. № 142.
- Togan A. Z. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig: Kommissionsverlag F. A. Brockhaus. XXXIV, 1939. 336 p.
- Гордлевский А. В. Баха-уд-дин Накшбенд бухарский (к вопросу о наслоениях в исламе) / Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882–1932. Л., 1934. С. 147–169.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Издательство Харьковского университета, 1956. 345 с.
- Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. Казань: Издательство Казанского университета, 1986. 159 с.
- История таджикского народа. Т. 2. Кн. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1964. 492 с.
- Таджаддин ал-Булгари. Большой тирйак / изд. текста, пер. с араб., коммент. А. Б. Халидова. Казань: Таткнигоиздат, 1997. 52 с.
- Туркият маджмугасы. II дж. Истамбул, 1928. 411 б.
- Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. 1 дж. Казан: Б. Л. Домбровский тип., 1897. 254 б.
- Мухаммедьяр. Тохфа-и мардан. Нуры содур. Казан: Таткитнэшр, 1966. 150 б.
- Институт востоковедения АН Республики Узбекистан. Рук. № 11546.

References

- Hamid Algar (1995). Poslednij nakshbandijskij sheyh Volgo-uralskogo regiona [The Last Naqshbandi Sheikh of the Volga-Ural Region]. *Tatarstan*. 1995. No 7–8. S. 102–108.
- Marjhani Sh. *Vafijat al-aslaf va tahijat al-ahlaf* [Detailed Information About Predecessors and Greetings to Descendants]. Vol. 6, 212b-213a, 343a.
- Arhiv Instituta jazika, literature i iskusstva ANT. Kolleksiya, 99, 295, 23; 1, 142.
- Togan A. Z. (1939) *Ibn Fadlan's Reisebericht*. Leipzig: Kommissionsverlag F. A. Brockhaus. XXXIV. 336 p.

Gordlevskij A. V. (1934). Baha-ud-din Naqshband Bukharskij (k voprosu o nasloeniyah v islame) [Baha-ud-din Naqshbandi from Bukhara (On Supplements in Islam)]. *S. F. Oldenburgu: K 50-letiju nauchno-obshestvennoi dejatel'nosti*. Leningrad. S. 147–171.

Kovalevskij A. P. (1956). *Kniga Ahmeda Ibn Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [The Book by Ahmed Ibn Fadlan on His Journey to the Volga in 921–922]. Harkov: Izdatel'stvo Harkovskogo gosuniversiteta. 345 p.

Halikova E. A. (1986). *Musulmanskie nekropoli Volgskoi Bulgarii X — nach. XIII v.* [Muslim Necropolises of Volga Bulgaria X — Beginning of XIII Centuries]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo gosuniversiteta. 189 p.

Istorija tadjikskogo naroda (1964). [History of the Tajik People]. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury. Vol. 2 (1). 492 p.

Tajaddin al-Bulgari (1997). *Bolshoi tiryak* [The Big Tiryak]. Kazan: Tatknigoizdat, 52 p.

Turkiyat majmuasi (1928). In 2 Vols. Istanbul, 335 p.

Marjani Sh. (1897). *Mustafad al-ahbar fi ahwal Kazan va Bulgar* [A Storehouse of Information About the Affairs of Kazan and Bulgar]. Vol. 1. Kazan: B. L. Dombrovskiy tip. 254 p.

Muhamedyar (1966). *Tuhfa-i mardan. Nurisodur*. [The Gift of People. The Light of Hearts]. Kazan: Tatkitnashr. 150 p.

Institut vostokovedeniya AN Respubliki Uzbekistan. Ms. 1154b.

TATAR PHILOSOPHY (GENERAL AND SPECIAL TRAITS — THE MIDDLE AGES)

Abstract. Tatar philosophy has a long history and dates back to the ancestors of the Tatars, i. e. the Volga Bulgars, who first laid the foundations of philosophical knowledge in the Middle Ages in the X century. Medieval Tatar literature of the X — third quarter of the XVIII centuries is one of the foundations of Tatar social and philosophical thought (A. Yasavi (XII century), Qul-Gali (XIII century), Qutb (XIV century), S. Sarai (XIV century), Muhammadyar (XVI century)). Most of the works of Tatar thinkers of the X–XVIII centuries are syncretic. Works at the same time were both a literary source, and a book on ethics, and an essay that reveals the philosophical views of Tatar thinkers.

Keywords: Tatar philosophy, Middle Ages, Volga Bulgaria, Kazan khanate.

Aidar N. YUZEEV

Dr. Sci. (Philos.), professor; head of the Department of Social Sciences and Humanities, Kazan branch of Russian State University of Justice
(7a, 2 Azinskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420088, Russian Federation).
E-mail: youzeev@yandex.ru

